

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-186-198

© Т. Г. Иванова

ДВА ТОПОСА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ О ЕРМАКЕ

Песни о Ермаке Тимофеевиче (ок. 1532 — 6 (16).08.1585), покорителе Сибири, в кругу устных исторических песен XVI века занимают особое место. Этот цикл знаменует наметившиеся подвижки в песенно-историческом мышлении: героем становится человек из народа (ранее — былинный богатырь, московский царь, видный военачальник), более того, начинает складываться коллективный образ низших социальных слоев (казаки). Идеино-художественные находки цикла о Ермаке, возникшего в конце XVI века, в следующем столетии, в XVII веке, нашли продолжение в другом песенном цикле — о Степане Разине.

Как известно, до нашего времени дошло очень мало документальных сведений о Ермаке, причем некоторые из них весьма недостоверны. В целом, исследователи по летописям (Есиповской, Строгановской, «Истории Сибирской» С. У. Ремизова с входящей в нее «Летописью Сибирской краткой Кунгурской»), письменным документам (немногие царские грамоты с упоминанием имени Ермака) и произведениям устной народной словесности выстраивают следующую биографию Ермака. По происхождению он мог быть или донским (малодостоверная версия), или волжским казаком, или выходцем из с. Борок (ныне с. Игнатьевское Красноборского района Архангельской обл.), или же его корни уходят в г. Суздаль, откуда родом был его дед (отец же ушел на р. Чусовую в вотчины промышленников Строгановых).

Скорее всего, Ермак был казаком (от тюркского — «удалец», «вольный человек»). В XIV веке казаками именовали «гулящих» людей, не приписанных ни к одной тягловой общине. С конца XV века казаками стали называть вольных людей, ушедших на южные окраины Русского государства — междуречье Дона и Волги (Дикое поле). Со временем появились служилые казаки, пошедшие на службу Москве в качестве своего рода пограничной стражи, и вольные казаки, предпочитавшие полную независимость от властей.

Исследователи полагают, что Ермак в молодости, будучи рядовым казаком, мог в 1552 году (тогда он родился в начале 1530-х годов) участвовать во взятии Казани (единственное доказательство этого предположения — песни Ермакова цикла). В начале 1560-х годов Ермак, вероятно, уже имел свою ватагу и «полевал» в Диком поле и за его пределами, т. е. совершал набеги на столь же немирных соседей, как и его собственные соратники. В 1577–1578 годах он, по некоторым документам, находился у Строгановых в Прикамском крае, участвуя в семейных несогласиях этого купеческого рода. Летом 1580 — весной 1581 годов Ермак был где-то в низовьях Волги, дважды совершил набеги на ногайские улусы. В апреле 1581 года его ватага откликнулась на призыв Ивана Грозного к казакам принять участие в военных действиях в рамках Ливонской войны; в мае–июне Ермаковский отряд находился в Можайске, а затем под Могилевом (если упоминаемого в документах Ермака идентифицировать как будущего покорителя Сибири). В августе 1581 года ватага была уже на Волге, где устроила засаду ногайскому послу, следовавшему в Москву. В 1582 году Ермак располагался на Яике; отсюда из городка Кош-Яик в июне он направился к Строгановым, которые пригласили его ватагу для отпора набегам сибирских татар. Согласно Строгановской летописи, 28 июня Ермак был уже в строгановском Орле-городке, отбил нападение на городки на р. Чусовой.

Далее события развивались стремительно. В августе 1582 года у Ермака уже не только сложился план продвижения в Сибирь, но и сделаны все необходимые приготовления. С отрядом, который, как считают исследователи, насчитывал 600 человек, он пошел следующим маршрутом: р. Чусовая → ее приток Серебрянка → затем пешком (бросив струги) через Урал на восточный склон → р. Жаровля → р. Тагил → р. Тура → р. Тобол. На Иртыше, близ устья Тобола, находился город Кашлык (Кышлык) — столица Сибирского ханства Кучума, который бежал от Ермака. Здесь отряд Ермака зазимовал; здесь же атаман принимал родоплеменную знать хантыйских и мансийских племен, приводя их в русское подданство. Из Кашлыка в декабре 1582 года Ермак направил с ясаком к Ивану Грозному своего сподвижника Ивана Кольцо, который вернулся к Ермаку 1 марта 1583 года. Из Кашлыка же в 1583 году Ермак совершил походы за ясаком по Иртышу до Оби, вступая, в случае сопротивления, в военные столкновения. Летом 1584 года Ермак был на реке Тавда, после чего вернулся в Кашлык. В сентябре на реке Таре в стане карачи (татары) был убит атаман Иван Кольцо. Зимой 1584/1585 годов татары обложили Кашлык, отрезав казаков от возможности добывать продовольствие. Ермак с отрядом разбил нападавших и пошел походом по Иртышу на юг. При возвращении в Кашлык отряд подвергся нападению со стороны Кучума, и Ермак во время схватки погиб.¹

Имя Ермака зафиксировано в 10 сюжетах исторических песен:² «Поход голытьбы под Казань» (№ 308–317), «Разбойный поход на Волгу» (№ 318–327), «Ермак в казачьем кругу» (№ 328–355), «Казаки убивают царского посла» (№ 356–357), «Взятие Ермаком Казани» (№ 358–363), «Ермак у Ивана Грозного» (№ 364–369), «Ермак и Ицламбер» (№ 370), «Турки нападают на казачью крепость» (№ 371–376), «Ермак и турецкий султан» (№ 377–385), «Ермак просит выпустить его из неволи» (№ 386–387). Тексты записаны в основном в Поволжье, на Дону, на Урале (Кирша Данилов), у уральских (яицких), оренбургских и терских казаков. Отдельные варианты зафиксированы в Якутии (№ 335), куда песни могли быть занесены теми же казаками, и на Русском Севере (№ 334, 357, 369), что, скорее всего, вызвано мобильностью местного мужского населения, побывавшего, например, в армии.

Песни о Ермаке содержат целый ряд топонимов, выявляющих специфическую картину мира, отличную от пространственных представлений главных песен XVI века («Кострюк», «Гнев Ивана Грозного на сына», «Смерть царицы», «Оборона Пскова от Стефана Батория» и др.). Пространство в сюжетах о покорителе Сибири — в основном поволжское, донское, северокавказское и сибирское, т. е. окраинное для России XVI века.

Рассмотрим два топоса в песнях о Ермаке — «выбор локуса (места) из возможных вариантов» и «перечень городов, которые надо скрытно пройти». Каждый из топосов встречается в двух-четырех сюжетах. Топос «выбор локуса (места) из возможных вариантов» зафиксирован в сюжетах «Ермак в казачьем кругу», «Казаки убивают царского посла», «Взятие Ермаком Казани», «Ермак у Ивана Грозного». Этот топос, без сомнения, сформировался на основе соответствующего былинного типического места — выбор богатырем пути на росстани. В былинах топос наличествует, например, в сюжете «Алеша Попович и Тугарин». В одном из печорских вариантов на росстани Алеша Попович вместе со своим спутником Екимом отказываются от Суздаля (там питья много — молодцы могут «испропитисе») и от Чернигова («В Чернигове-граде девки хороши» — пойдет про молодцев «славушка недобрая»), а выбирают Киев, т. е. служение государству.³ Былинный топос «выбор места» строится исключительно на названиях городов, т. е. локусов, которые репрезентируют освоенное (культурное) пространство.

¹ Копылов Д. И. Ермак. Иркутск, 1989; Скрынников Р. Г. Далекий век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская Одиссея Ермака. Л., 1989.

² Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера текста и стиха.

³ Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001. С. 523; № 115, ст. 11–12 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1).

В исторических песнях о Ермаке, напротив, важными (но не единственными) маркерами оказываются топонимы, обозначающие речное (природное) пространство. Таким образом, богатыри — персонажи, выражающие государственную идею; герои исторических песен о Ермаке — «гулящие» люди, находящиеся за пределами социальной нормы.

Топос «выбор места» в песнях о Ермаке (в основном в сюжете «Ермак в казачьем кругу») представлен во множестве вариаций, в которых прочитываются две разные стратегии. Первая стратегия связана с манифестацией абсолютной вольности персонажей песни, не желающих соприкасаться с государством (но не противостоящих ему в агрессивной форме); вторая — включение «гулящих» людей, несмотря на приверженность вольности, в решение государственных задач.

Варианты, относящиеся к *первой версии*, весьма разнообразны. После перечня определенных локусов герои выбирают одну из рек, что в XVI–XVII веках воплощали вольность, т. е. территории, которые еще не находились под жестким управлением государства. Прежде всего, это, конечно, тихий Дон:

На Яик-город идтить — переход велик,
Под Казань идтить — полоненным быть,
На Рассеюшку идтить — урожаю нет,
На батюшку на тихий Дон идтить —
Нам господь велит.

(№ 342, ст. 12–16)

В других вариантах герои решают зимовать на реке Камышинке (Камышенке):

На Яик ийти, ребятушки, — да он переход велик,
А на Волге быть, ребятушки, — да нам все ворами слыть,
Под Казань город ийти — да там Грозный царь,
Грозный царь стоит, сам Иван Васильевич.
Нам, казакам, быть да нам переловленным
<...>
Вы пущайтесь, ребятушки, во мать во сине море,
Зимовать мы будем, ребятушки, на речке Камышинке.

(№ 337, ст. 12–25)

Незначительная речка Камышинка (правый приток Волги длиной в 10 км) в XVI–XVII веках занимала принципиальное место в реальной географии Волги. Дело в том, что Камышинка находится в районе сближения бассейнов Волги и Дона, в связи с чем вместе с речкой Иловля (левый приток Дона) она служила в XVI веке местом перехода с одной реки, воплощавшей собой вольность (Дон), в другую реку, имевшую то же значение (Волга).

Однако постепенно властная длань Москвы достигла и тихого Дона, и волжской Камышинки. Именно поэтому в топосе «выбор места» как предпочтительные оказываются северокавказские реки Терек и Кума и город Кизляр.

На *Тереке*, известном и по песне «Терские казаки и Иван Грозный», собираются зимовать казаки:

Ой, да зимовать мы будем,
Вот да на Тере...
На Тереке, ой, на быстром,
Вот да, на Тереке.

(№ 343, ст. 33–36)

В одном из текстов «Ермак в казачьем кругу» Ермак и его товарищи, ища вольных и неопасных со стороны московских властей земель, выбирают северокавказскую *реку Куму*, впадающую в Каспийское море:

Ай, ну, пойдмтя-ка, мы, братцы, на Куму,
На Куму-реку.
Ай, на Куме-то реке там и земли во...
Земли вольные...

(№ 341, ст. 39–42)

В песне «Взятие Ермаком Казани» герои также предпочитают идти на Куму-реку: «Пойдемте мы, братцы, на Куму-реку, / На Куме-реке зимовать будем» (№ 363, ст. 1–2). Именно на Куму-реку прибывает к Ермаку царский курьер, после чего Ермак отправляется к государю и получает от него задание взять Казань.

Из северокавказских топонимов исторические песни знают и *Кизляр-город*, расположенный в районе Кумы-реки. Формально являясь освоенным пространством (город), Кизляр в поэтике исторических песен, без сомнения, занимает место природного, неосвоенного локуса:

На Урал, братцы, пойдм —
Переход велик,
На круты горы пойдм —
Нам живым не быть,
Во Кизляр-город пойдм —
Мы домой зайдем.

(№ 344, ст. 19–24)

В определенном смысле выбираемые «гулящим» людом места (Дон, Камышинка, Терек, Кума, Кизляр) в аспекте типологии оказываются родственными Кавказу, Бахчисарю, Бессарабии, которые противопоставлены цивилизованному миру в романтической поэзии начала XIX века («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» А. С. Пушкина). В самих песнях Ермакова цикла, без сомнения, наличествует романтическое (вольное) начало. Типология же художественного мышления столь разнородных явлений — фольклорных песен XVI века и романтической литературы начала XIX века — в построении пространства предстает поразительно схожей, решаемой в одном направлении.

В ряде вариантов топос «выбора места» не имеет завершения, т. е. называются локусы, которые опасны для героев, но не обозначается предпочтительный локус. Топонимический ряд при этом остается тем же, что уже наличествует в других текстах: Яик, Волга, Казань (№ 345, ст. 19–22), Яик, Казань, Дон (№ 346, ст. 19–28; № 348, ст. 25–32).

Как мы уже указали, *вторая стратегия* построения топоса «выбор места» направлена на то, чтобы показать, как разбойничающая вольница втягивается в сферу государственной деятельности. Эта стратегия отвечает и исторической правде (вольные люди, бежавшие в свое время на Дон, стали основой формирования казачества, взявшего на себя функцию стражей южных границ Московской Руси; Ермак, причастный к разбойным походам, присоединил к Руси Сибирь), и поэтическому содержанию исторических песен XVI века («Гнев Ивана Грозного на сына», «Кострюк», «Оборона Пскова от Стефана Батория»), в которых государственная идея и в коллизиях (защита русских городов), и системе образов героев (царь, царица, царевич, воеводы и пр.) является ведущей.

Именно поэтому вольница в песнях о Ермаке в некоторых вариантах решает идти на Казань, чтобы помочь Ивану Грозному взять город. Таким образом, песни о Ермаке оказываются вписанными в тему завоевания *Казани*, что было одним из центральных событий в деятельности молодого Ивана Грозного. Мы оставляем в стороне вопрос, участвовал ли исторический Ермак во взятии Казани или нет: документальных сведений не имеется. Топос «выбор места» важен не в преломлении к биографии Ермака, а, повторим, как топос, реализующий разные идеологические стратегии (вольница и государственность). Вариант № 328 песни «Ермак в казачьем кругу» рисует весьма выразительную картину:

На Яик нам идтить —
 Переход велик,
 На Дон нам идтить, ребятушки, —
 Нам ворами слыть,
 А на Волгу нам идтить —
 Переловленным быть
 И по разным по тюрьмам порассаженным.

(№ 328, ст. 5–11)

В данном тексте одинаково опасными для «гулящих» людей оказываются все казачьи реки: Яик, Дон, Волга. «Ребятюшки» собираются идти под Казань, чтобы помочь Ивану Грозному взять город, т. е. решить государственную задачу:

Пойдемте мы, ребятушки,
 Казань-город возьмем.
 Там Грозный царь стоит
 Иван Васильевич.

(№ 328, ст. 16–19)

Песня заканчивается на этой точке. Отметим, что специфика ряда сюжетов о Ермаке состоит в том, что персонажи выражают готовность к какому-либо действию, но само действие (событие) в песне не описывается. Полагаем вслед за Б. Н. Путиловым,⁴ что это не признак забвения текстов, а особенность поэтики данного тематического цикла. Заявление о намерении совершить подвиг приравнивается к его свершению. Слово и дело здесь представляют неразрывное единство.

Согласно другим вариантам, взятие Казани даст им возможность просить у царя большой подарок — вольные земли: «И будем просить славный тихий Дон, / С потоками и белой Манычью» (№ 329, ст. 17–18). Обратим внимание на то, что желаемые вольные земли здесь явлены реками (не городами) — «тихим Доном» и «белой Манычью». Однако в формуле «будем просить славный тихий Дон» нарушается историческая правда. На Дон (часть так называемого Дикого поля — слабозаселенные причерноморские и приазовские степи) русские «гулящие» люди начали проникать задолго до XVI века и отнюдь не по повелению государства: они бежали сюда от его гнета. И, скорее, это вольница обеспечила присоединение Дона к крепнущей Москве, а не Москва пожаловала будущих казаков Доном.

Рассматриваемый тоpos «выбор места» с темой взятия Казани включен в сюжет «Взятие Ермаком Казани», где, в отличие от песни «Ермак в казачьем кругу», имеется развернутая коллизия: Ермак на Волге с казаками рассуждает, куда им идти; решают идти на Казань, чтобы помочь царю взять город; берут его с помощью подкопов. Формула «выбор места» в этом сюжете та же, что в песне «Ермак в казачьем кругу»:

На тихий Дон идтить — переход велик,
 А на Яик пойтить — так ворами слыть,
 А под Казань грести — государь стоит...

(№ 358, ст. 17–19; см. также: № 359, ст. 20–23;

№ 360, ст. 13–22; № 361, ст. 4–12; № 362, ст. 4–6)

Награда, которую Ермак просит у царя, все та же — тихий Дон:

Не жалуй ты меня городами, подселками
 И большими поместьями —
 Пожалуй ты нам батюшку тихий Дон
 Со вершины до низу, со всеми реками, потоками,

⁴ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.; Л., 1960. С. 236–258.

Со всеми лугами зелеными
И с теми лесами темными!

(№ 358, ст. 170–175; см. также: № 359, ст. 58–60; № 360, ст. 45–47; № 361, ст. 59–60; № 362, ст. 64)

В теме искупления вины вольных людей перед царем помимо Казани может выступать и *Сибирь*. В сюжете «Ермак в казачьем кругу» в некоторых вариантах выбор локуса падает на Сибирь. Так, в песне № 330 Ермак Тимофеевич отказывается от Волги («все ворами слыть»), Яика («переход велик»), Казани («Грозен царь стоит») и останавливается на Сибири: «Так подумайте ж мы — да возьмем Сибирь» (№ 330, ст. 19; см. также: № 331, ст. 19). Таким образом, топос «выбор места» указывает на главный подвиг Ермака — завоевание Сибири. См. также: «Пойдемте мы-ко, братцы, за Урал да возьмем Сибирь» (№ 334, ст. 8; после называния Волги, Казани и Яика).

Иногда сибирская тема получает конкретизацию, опять-таки проявляющуюся через топонимы. После упоминания тех же Волги, Яика и Казани в одном из вариантов читаем:

Идтить — не идтить нам
На Иртыш-реку великую, на сибирскую.
Мы возьмем-то в полон,
Возьмем в полон Тобольск-городок, славный город,
А как взявши город,
Пройдем к царю да поклонимся, воспокаемся.

(№ 332, ст. 27–32; см. также: № 348, ст. 14–17)

Напомним, что Ермак со своей дружиной в поход за Каменный Пояс (Урал) направился осенью 1582 года. Русский город Тобольск, ставший неофициальной столицей Сибири, был основан через два года после гибели Ермака, в 1587 году, однако анахронизмы в историко-песенном фольклоре — явление довольно частое.

Если в песне «Ермак в казачьем кругу» тема взятия Сибири лишь обозначена (слово — дело), то в песне «Ермак у Ивана Грозного» (хотя само событие и там не рисуется) она становится центральной и развернутой в воображаемом диалоге Ермака и царя («Завоеем мы царство Сибирское» — № 364, ст. 54; см. также: № 365, ст. 55). Как и в песне «Ермак в казачьем кругу», в сюжете «Ермак у Ивана Грозного» наличествуют топонимы Иртыш и Тобол-город:

Нам на Волге жить, братцы, — все ворами слыть,
На Яик идти — переход велик.
Идти ль нам, не идти — на Иртыш-реку.
Мы с Иртыш-реки возьмем Тобол-город,
Тобол-город возьмем белой грудью...

(№ 366, ст. 13–17; см. также: № 367, ст. 14–22)⁵

Топос «выбор места» с темой Сибири играет с именем Кучума — сибирского хана, противника Ермака:

Во Казань-то идти нам — быть пойманным,
Во Москву-то идти — быть повешенным.
Не лучше ли нам, братцы, во Сибирь идти.
Во Сибирь идти, царя Кучума воевать?

(№ 336, ст. 3–6)

⁵ Естественно, имеются варианты, где логика истории ломается: казаки отказываются от Иртыша («переход велик») и предпочитают зимовать на речке Камышинке (№ 339, ст. 12–14).

Напомним, что Кучум (ок. 1510/1520 — ок. 1601), потомок Чингис-хана, родившийся на Аральском море, в 1563 году в противоборстве с сибирским ханом Едигером убил его и возглавил Сибирское ханство. Поначалу он был готов установить с Москвой даннические отношения, посылая в качестве ясака ценные меха, однако скоро отряды Кучума перешли на территорию Перми Великой и стали тревожить строгановские владения. В результате похода Ермака в Сибирь были разгромлены сибирские города Кучума. После гибели Ермака (1585 год) Кучум продолжал попытки вернуть сибирские земли под свою власть. Погиб он где-то в Ишимских степях в 1601 году.

Рассматриваемый топос «выбор места» может конструировать от имени Кучума географические названия (Кучум-город, Кучумское сарство):

Лучче гранёмче, рэбаты, под Кучум-город.
Ми Кучумское-то сарство вижгём, виплиним,
Ми Кучума старика-от во полон полоним,
Ми Кучумиху старуху-ту за шиба вожьем.
За это государ-сар пожалуёт.

(№ 335, ст. 16–20)

Интересным оказывается вариант сюжета «Ермак у Ивана Грозного» у Кирши Данилова, где в топосе называется строгановское Усолёе:

В Астрахани жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — Грозен царь стоит,
Грозен царь-осударь Иван Васильевич;
В Москву идти — перехватанным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам расаженым.
Пойдемте мы в Усолёе ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу...

(№ 368, ст. 20–29)

Далее, напомним, в варианте Кирши Данилова следует не-песенный (прозаический) текст, очень точно описывающий маршрут из Европейской части Русского Севера — по реке Чусовой и множеству других рек — за Урал.

Упоминание Усолёе в песне, посвященной Ермаку, является анахронизмом. Север Пермского края начал осваиваться русскими промышленниками, интересовавшимися соляными разработками, с XV века. В 1515 году первый из Строгановых, Федор, основал солеварни на Вычегде (ныне Сольвычегодск). Вскоре Строгановы стали соляными магнатами в крае. В 1566–1605 годах столицей строгановских владений был Пыскор, и только с 1606 (через 21 год после гибели Ермака) по 1771 год центром оказалась слобода Новое Усолёе (ныне г. Усолёе).

Таким образом, стратегия государственной версии топоса «выбор места» разворачивается вокруг тем взятия Казани и покорения Сибири — главных событий в истории XVI века.

Укажем на единичный вариант топоса «выбор места», в котором упоминается Москва:

Как куды же мы, братцы, воровать теперь пойдём?
А й нам во Казань-город идти — нам убитым быть,
Нам во Востракань идти — быть повешенным.
Ах, пойдём-тко, братцы, в каменну Москву.

(№ 357, ст. 33–36)

Текст завершается на данных строках. Остается неясным, имеем ли мы дело с третьей стратегией реализации топоса (агрессивно антигосударственной — «воровать пойдем» в Москву), или же перед нами незаконченный вариант, продолжение которого могло бы развивать государственную версию.

Вторым принципиально важным в песнях о Ермаке является топос «*перечень городов, которые надо скрытно пройти*». Заметим, что Б. Н. Путилов, обратив на него внимание, акцентирует отнюдь не скрытность, а быстроту продвижения героев: «...путь от моря до Казани атаман предполагает пройти с необычайной быстротой».⁶ Быстрота же, по логике исследователя, необходима потому, что Ермак и его товарищи спешат помочь Ивану Грозному во взятии Казани. На наш взгляд, изначально в рассматриваемом топосе не скорость передвижения, а скрытность, нежелание сталкиваться с властями, сидящими в городах.

Топос «перечень городов» занимает ключевое место в сюжетах «Поход голытьбы под Казань» (№ 308–317) и «Разбойный поход на Волгу» (№ 318–327), строящихся на одной и той же коллизии: добры молодцы («ребятушки») выбирают атамана и есаула; решают, куда им идти. Топос раскрывает волжское пространство, которое можно прочитывать одновременно и как природное, и как культурное. Сами добры молодцы — и в первой, и во второй песне — связаны прежде всего с природным пространством.

Песня «Поход голытьбы на Казань» упоминает *Жигулевские горы* — часть Приволжской возвышенности на правом берегу Волги, огибаемой Самарской Лукой. По сюжету песни, добры молодцы хотят скрытно, незаметно пройти мимо перечисляемых поволжских городов и остановиться у Жигулей: «В Жигулевских крутых горах остановимся» (№ 309, ст. 26; см. также: № 310, ст. 50; № 312, ст. 28; № 313, ст. 31; № 314, ст. 22; № 315, ст. 13; № 317, ст. 9). Природная суть Жигулей подчеркнута обязательными лексемами 'горы' или 'лес' («В Жигулевских во лесах / Приостановимся» — № 313, ст. 31–32). Сюжет «Разбойный поход на Волгу» пользуется этим же топосом, также выделяя Жигули как конечный локус (№ 324, ст. 19; № 326, ст. 21). Добры молодцы, выключенные из нормального социума, таким образом, культурному пространству предпочитают природное. Однако пространство самой Волги в песне «Поход голытьбы на Казань» и отчасти в песне «Разбойный поход на Волгу» — это пространство городов, т. е. культурное, освоенное. Правда, суть рассматриваемого топоса «перечень городов» состоит в том, что города здесь становятся лишь вехами на водном пространстве Волги. Герои стремятся незаметно пройти мимо городов, чтобы добраться до желаемых Жигулевских гор.

Наиболее полный перечень волжских городов представлен в песне «Поход голытьбы на Казань»: здесь называются все главные города средней и нижней Волги, т. е. поселения, которые стали русскими в результате присоединения Казанского (1552) и Астраханского (1554) ханств к Москве или возникшие как русские в XVI–XVII веках:

Еще как-то нам, ребята, города пройти?
Астраханское славно царство пройдем с вечеру,
А Царицын-городочек во глуху полночь,
А Саратов на белой заре.
Мы Самаре-городочку не поклонимся,
В Жигулевских горах мы остановимся.

(№ 308, ст. 16–21)

Укажем, что вариант № 308 очень точно называет порядок расположения городов с нижнего течения Волги до Жигулей — Астрахань, Царицын (ныне Волгоград), Саратов, Самара и, наконец, предпочитаемые Жигулевские горы. *Астрахань* (в песнях Астрахань, Астраханское царство или же Астраханская губернюшка — см.: № 310, ст. 40; № 311, ст. 34; № 312, ст. 24; № 313, ст. 23; № 315, ст. 9; № 317, ст. 6), напомним, основана во второй половине XIII века как крупный торговый центр Золотой Орды.

⁶ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 249.

Царицын (Царицын-городочек, Царицын-городок, Царицынский городочек — см.: № 309, ст. 18; № 310, ст. 42; № 311, ст. 36; № 312, ст. 25; № 313, ст. 25; № 314, ст. 21; № 315, ст. 10) впервые упомянут в 1579 году в документах, из которых следует, что на острове Царицын русский царь держал заставу из стрельцов.

Саратов (Саратов-городочек — № 311, ст. 37; № 315, ст. 11; № 317, ст. 7) был zaloжен в 1590 году; это была одна из крепостей, поставленных воеводой Григорием Засекиным в 1585–1590 годах для защиты вновь обретенных земель. В некоторых вариантах находим топоним ‘Саратовская губерния’ (№ 312, ст. 26; № 313, ст. 27; № 314, ст. 20) — формула, сложившаяся в XIX веке (в 1780 году было создано Саратовское наместничество, преобразованное в 1797 году, после неоднократных перекраиваний земель, в Саратовскую губернию).

Самара была также основана Григорием Засекиным в 1586 году. Этот город занимает особое место в кругу поволжских городов, перечисляемых в песнях. В трех текстах Самара названа среди городов, которым добрые молодцы не желают поклониться (Самара-городочек, Самарской городишка — см.: № 309, ст. 25; № 310, ст. 47–48; № 315, ст. 12). Однако в трех других вариантах имеется интересная формула «Мы Самарушке своей матушке покоримся» или «поклонимся» (№ 312, ст. 27; см. также: № 313, ст. 29–30; № 317, ст. 8). Повторим еще раз, что Жигулевские горы, к которым направляются добрые молодцы, находятся у Самарской Луки. Поэтому не только Жигулевские горы и леса, но и Самара для добрых молодцев оказывается «своим» городом.

Приведем другую версию топоса «перечень городов», мимо которых намереваются пройти добрые молодцы (по песне «Поход голытьбы на Казань»):

Астраханское славно царство пройдем с вечера,
А Царицын-городочек во глухую полночь,
А Саратов славный город на белой заре,
Вольской и Хвалынской среди бела дня.
Сызрану и Самаре не поклонимся,
В Жигулевских крутых горах остановимся.

(№ 309, ст. 21–26)

Помимо названных в первой цитате городов здесь упоминаются Вольск, Хвалынский и Сызрань. Все три города именно в таком порядке (снизу вверх) расположены между Саратовым и Самарой. *Вольск* (начальное — Волгск) преобразован в город в 1780 году из Слободы Малыковской, фигурирующей в документах в 1699 году. *Хвалынский* также стал городом и получил свое имя только во времена Екатерины II в 1780 году; с 1556 года это поселение известно как Сосновый Остров. *Сызрань* основана в 1683 году. Данный ряд городов перечислен в единственном варианте № 309.

В третьей версии топоса городов рассматриваемой песни «Поход голытьбы на Казань» находим нижеволжские города Енотаевск (расположен между Астраханью и Царицыном) и Камышин (между Царицыном и Саратовом):

Как минуем
То царство Астраханское со вечеру,
Енотаевск
И Царицын-городок во глуху полночь,
А Камышин
Городочек-то пройдем на белой заре.
Славный город
Саратов пролетим мы середь бела дня,
А Самаре-
Городочку-то мы и не поклонимся,
Во горах-то
Жигулевских мы тут пристановимся.

(№ 310, ст. 39–50)

Енотаевск был основан в 1742 году астраханским губернатором Василием Татищевым. Этот город единожды встретился в текстах исторических песен. Поселения на территории *Камышина*, расположенного в устье реки Камышинки, известны еще со времен Золотой Орды; русская же крепость, получившая название Камышин, здесь была поставлена в 1668 году, в царствование Алексея Михайловича. Камышин зафиксирован также в тексте № 316 (ст. 22). Приведем еще один вариант рассматриваемого топоса, сохранившийся в сюжете «Взятие Ермаком Сибири». Здесь называется *Черноярский городок*:

Астраханскую губернию ввечеру пройдем,
Черноярский городок во глуху полночь,
А Камышинку пройдем — кочета вспоют,
А Царицын-городок на белой заре,
А самой Волге-матушке поклонимся.
Как придем мы, ребята, под Казань-город...

(№ 360, ст. 26–31)

Черноярский городок — это Черноярская станица (село) бывшего Астраханского войска, расположенная на севере Астраханской области. Городок был основан в 1627 году на левом берегу Волги, но потом, в 1634 году, перенесен на правый, более безопасный берег.

Один раз в песне встретился *Чебоксары-городочек* (№ 316, ст. 23) — самый верхний из перечисляемых поволжских городов (находится между Казанью и Нижним Новгородом) песни «Поход голытьбы под Казань». Чебоксары, напомним, известны еще с XIV века как чувашский город Веда-Саур.

Песня «Разбойный поход на Волгу», в отличие от «Похода голытьбы на Казань», топос «перечень городов» использует менее регулярно. Текст № 325 называет города, которые герои проходят скрытно, в строгом соответствии с географией: Астрахань, Царицын, Камышин, Саратов, Волжский (т. е. Волгск → Вольск), Хвалынский, Сызрань, Самара и, наконец, конечная цель — Жигулевские горы (№ 325, ст. 54–65). В существенно укороченном варианте топос представлен в тексте № 326: Астрахань и Царицын, которые надо пройти скрытно, Самара-городочек, которому герои поклонятся, и Жигулевские горы, где они остановятся (№ 326, ст. 18–21). В тексте № 324 помимо краткого перечня городов и неправильного их расположения на Волге происходит существенная смена акцентов — разбойнички собираются не незаметно пройти мимо городов, а захватить их и пограбить:

Мы пойдёмтё, разобьёмтё славные кáрабли,
Мы татарский, армянски, бусуманские,
Мы Царицын-городочек с вечерá возьмём,
Остраканско славно царство во глухú полночь.
Мы Казане-городочку все поклонимся,
В Жигулевских горах мы остановимся.

(№ 324, ст. 14–20)

В песне «Поход голытьбы под Казань», таким образом, ведущей оказывается государственная идея (помощь Ивану Грозному во взятии города, который на протяжении веков был угрозой Руси); в песне «Разбойный поход на Волгу» актуализирована тема волжской вольницы, в социальном плане противостоящей государству. Как же формулируются цели разбойничков в песне «Разбойный поход на Волгу»? В некоторых вариантах — разгуляться на Волге:

Не пора ли нам, дородным, на свежú воду,
На свежую воду — на Волгу, на Волгу-матушку?

И станем разбивать бусы-карабли,
Бусы-карабли и лодки легкие...

(№ 318, ст. 17–20; см. также: № 319, ст. 20–23)

В других текстах целью называется грабеж Астрахани (№ 322, ст. 18–19; № 323, ст. 17–19); в третьих — обустроить стоянку в Жигулевских горах:

Уж мы колышки вколотим
Кипарисовы,
А мы чалочки расчалим
Все шелковые,
А мы шатрики раскинем
Канифасные,
Самоварчики поставим
Позолоченные.

(№ 325, ст. 66–73; см. также: № 326, ст. 21;

№ 324, ст. 19–23)

Осмысливая топонимический «перечень городов», обратим внимание на то, что большая часть перечисленных городов или возникли, или получили названия, зафиксированные в песне, позднее эпохи Ивана Грозного (Саратов, Самара, Вольск, Хвалынский, Енотаевск, Камышин, Чебоксары). Это значит, что песня, посвященная Ермаку, продолжала активно развиваться в XVII–XVIII веках.

Любопытна еще одна деталь: старинные русские города Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Тверь, стоящие в верхнем течении Волги, в песне не зафиксированы, т. е. они ей не интересны. Можно, конечно, данный факт объяснять тем, что разбойничьи шайки, включая те, что перерастали в крестьянские армии Степана Разина и Емельяна Пугачева, хозяйничали исключительно в границах Астрахань–Казань, т. е. причины можно искать в исторической действительности. Однако, на наш взгляд, объяснение тому, как формировался перечень городов, следует видеть в законах фольклорной традиции. В исторических песнях «Поход голытьбы под Казань» и «Разбойный поход на Волгу» топонимический «перечень городов» берет на себя функции, близкие к функциям так называемых «географических песен».

«Географические песни» в настоящее время являются предметом активного исследования. В. Н. Калущков и А. А. Иванова, авторы монографии об этих формах фольклора, предлагают следующее понимание «географических песен»: «...под географическими песнями (ГП) понимаются фольклорные тексты с ярко выраженной реальной пространственной компонентой (последняя является сквозным принципом их смысловой и формальной организации). Относясь к географически сориентированному фольклору, ГП всегда связаны с определенной территорией (страной, краем, городом, деревней) и сообществами людей, в них проживающими (именно поэтому с формальной точки зрения они обязательно содержат топонимы, катойконимы, этнонимы, этниконы или антропонимы). В отличие от других песенных фольклорных форм (былин, исторических, балладных, обрядовых и необрядовых песен) художественный мир ГП не замкнут и не является условной поэтической фикцией: в нем в причудливой форме сочетаются реальное физическое пространство и его образное восприятие членами этносообществ. Другими словами, географические песни — это тексты-описания, тексты-оценки определенных культурных ландшафтов».⁷ «Географические песни», по классификации В. Н. Калущкова и А. А. Ивановой, могут быть страновыми (охватывают страну или крупный регион), региональными («опевают территорию природного или культурного региона, например, административный район, уезд, соответствующий им бассейн реки»),⁸ субрегиональными и локальными.

⁷ Калущков В. Н., Иванова А. А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006. С. 15–16.

⁸ Там же. С. 30.

Рассматриваемые исторические песни о Ермаке можно соположить со страновыми «географическими песнями». «Становые песни, — пишут исследователи, — занимают весьма скромное положение в репертуаре географических песен. Одна из причин этого — незначительные пространственные подвижки населения в прошлом и как следствие слабое знание реальной географии страны».⁹ Фольклористы в качестве примера приводят единственную песню «Как у нашего хозяина у Логанова» из сборника А. И. Соболевского, охватывающую волжское пространство. В XIX веке «подвижными» слоями общества были бурлаки, плотогоны, ямщики; в XVI–XVII веках, когда формировались исторические песни о Ермаке, мобильным было казачье гулящее население.

«Географические песни», подчеркнем вслед за В. Н. Калущковым и А. А. Ивановой, очерчивают границы «своего» (освоенного) пространства. К XVI веку верхнее течение Волги уже давно было «своим» и не требовало культурного акцента в этом смысле. Поэтому этот регион и не отразился в топосе «перечень городов» в исторических песнях. Напротив, в культурном сознании русского человека второй половины XVI века Волга (и ее города) в ее течении южнее Нижнего Новгорода еще только становилась «своей» рекой. Процесс освоения Волги — и в практическом плане (строительство новых городов), и в культурном — продолжал быть актуальным и в XVII-м, и в XVIII веке. Именно поэтому исторические песни «Поход голытьбы под Казань» и «Разбойный поход на Волгу» активно впитывают в себя новые топонимы, в том числе и возникшие только в XVIII столетии — Вольск, Хвалынский и т. д. Таким образом, названные исторические песни в скрытом виде содержат в себе «географическую песню».

Отметим также, что в плане поэтики рассматриваемые исторические песни, в которых заложены функции «географической песни» (освоение пространства), смыкаются с названным текстом «Как у нашего хозяина у Логанова», приведенным в книге В. Н. Калущкова и А. А. Ивановой.¹⁰ Песня называет 27 луков, расположенных на Волге — от Астрахани до Балахны (стоит чуть выше Нижнего Новгорода). Интересно, что формульный ряд «географической» и исторической песен оказывается одним и тем же. Так, обе песни пользуются словом «городок» («городочек»). В исторических песнях это Царицын-городочек, Самара-городочек, Саратов-городочек, Камышин-городок, Чебоксары-городок, т. е. города, которые не только реально в XVI–XVIII веках были малыми по размеру, но и являлись городами, не игравшими на тот период практически никакой роли в общекультурном сознании русского человека. В «географической песне» «Как у нашего хозяина у Логанова» встречаем: Дубовка-городок, Саратов-городок, Симбирск-городок, городок Балахня.

Историческая песня топоним Казань или оставляет без определения, или называет в основном Казань-город (№ 308, ст. 27), «под городом под Казанью» (№ 309, ст. 13; см. также: № 309, ст. 36; № 310, ст. 30; № 312, ст. 20, 21; № 314, ст. 14, 15; № 316, ст. 21). Правда, зафиксирована и формула Казань-городок (№ 310, ст. 34; № 317, ст. 3), равно как и Нижний городок. Слово «городок», таким образом, является формулообразующим и для «географических песен», и для историко-песенного фольклора.

Из эпитетов и историческая, и «географическая» песни пользуются лексемой «славный»: в «географической песне» — «славная Астрахань»; в исторической песне — «славный Казань-городок» (№ 310, ст. 34), «славный город Саратов» (№ 310, ст. 45–46; см. также: № 309, ст. 23). Эпитет «славный», напомним, в отношении к топониму (в основном к Киеву) сложился еще в былинной традиции.

Общей для исторической и «географической» песни является «родительская» сема, читаемая в гидрониме «Волга-матушка» (в исторических песнях). В «географической» песне, в которой не упоминается Волга, «родительская» сема включена в топонимы «мать Астрахань» и «матушка Самара».

Таким образом, «географическая песня» «Как у нашего хозяина у Логанова» и исторические песни о Ермаке смыкаются не только в единой функции обозначения освоенного пространства, но и в определенной степени — в поэтике.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 33–34.

Рассмотренные нами два топоса в исторических песнях о Ермаке — «выбор локуса (места) из возможных вариантов» и «перечень городов, которые надо скрытно пройти» — демонстрируют высокий уровень знания певцами географии России (по крайней мере, ее поволжского, донского, кавказского и сибирского регионов). Через географию, особо подчеркнем, реализуется одна из важнейших функций фольклорной традиции — функция исторической памяти устной народной словесности.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-198-203

© Е. Д. Кукушкина

**«ВДОХНОВЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕ ВСЕГДА ВЫСОКОЕ...»
(ПРИТЧА А. П. СУМАРОВА «НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ»
И ОДА Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ФЕЛИЦА»)**

В «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде» Г. Р. Державин рассказал, что к поэтическому творчеству его побуждают не только восторг и воодушевление, подобные тем, что он испытал при создании оды «Бог». Иногда, пишет Державин, «вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта». Оно «может быть не всегда высокое, а чаще между порывным и громким посредственное, заемлемое от воспеваемого предмета, обстоятельств или собственного состава и расположения поэта».¹

И. И. Дмитриев утверждал, что Державин умел получать творческий импульс от обыденных вещей, будничных впечатлений.² Обладал он также удивительным даром наполнять новым содержанием известные сюжеты, темы, образы и даже слова. Эту особенность его таланта, основанную на развитом ассоциативном мышлении, обнаруживали и современники Державина, и исследователи его творчества. Н. Ю. Алексеева отметила в «Оде на бракосочетание великого князя Павла Петровича с Наталией Алексеевной» (1773) и в одной из «Читалагайских од» (1775) «поиск своего слова на основе слова Ломоносова».³ Трудно сказать, какого рода вдохновение посетило Державина, когда он записывал на грифельной доске свое последнее стихотворение, подводя итог раздумьям о быстротечности жизни и непрочности славы. Исследователями отмечалась зависимость этих стихов от Библии, влияние на них барочной традиции,⁴ увлечение Державина философскими идеями И.-Г. Гердера.⁵ Не исключая всех этих факторов, назовем другой, более близкий источник: пятистрочное стихотворение М. М. Хераскова «Время».⁶ Его тема, композиция, ключевые слова и образы были творчески усвоены Державиным, сжаты до восьмистишия и обрели новую жизнь в поэтическом сочинении, получившем название по первым словам «Река времен».⁷

Как нам представляется, стихотворение Сумарова «Недостаток времени», касающееся важной в то время темы о дворянской службе и досуге, подтолкнуло Державина к собственным наблюдениям и размышлениям об этом и стало творческим импульсом для создания оды, новой по форме и содержанию.

¹ Соч. Державина с объяснительными прим. Я. К. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 523.

² Дмитриев И. И. Державин // Г. Р. Державин в воспоминаниях современников. СПб., 2018. С. 28.

³ Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 316–317.

⁴ Лаппо-Данилевский К. Ю. Последнее стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. ра. 2000. № 2. С. 156–157.

⁵ Ларкович Д. В. Державин и Гердер // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2011. Вып. 7. С. 28.

⁶ Херасков М. М. Время // Полезное увеселение. 1761. Ноябрь. № 20. С. 179. Подпись: М. Х.

⁷ См.: Кукушкина Е. Д. Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 107.